

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Горбаренко Екатерины Алексеевны
«Горизонты ожиданий в романах Ф. М. Достоевского»,
представленную к соисканию ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 5.9.1.

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование Екатерины Алексеевны посвящено выявлению и анализу горизонтов ожидания, находящихся в кругозоре как героев, так и креативных субъектов романов Ф. М. Достоевского (с. 15), причем горизонты ожидания рассмотрены как система, пронизывающая всю ткань художественного произведения – характерологию, сюжет, рецептивный уровень. По исходному предположению диссертанта, свойственные героям романов проекции и установки («прямые и скрытые») оказывают непосредственное воздействие на «...судьбы героев и <...> воплощение авторских замыслов» (с. 15). Специальных исследований, которые посвящены системному анализу горизонта ожидания в романах Достоевского, до сих пор не было. А потому новизна в исследовании Екатерины Алексеевны, конечно, имеется. Само понятие «горизонт ожидания» релевантно к материалу, избранному в качестве основы для исследования. Ведь когда диссертант отмечает, что «“ожиданий” в произведениях Достоевского бывает много, и они зачастую разнообразны и противоречивы, – можно говорить о разнообразных “горизонтах”, согласующихся или пересекающихся и даже конфликтующих» (с. 10), то с подобной отправной точкой трудно не согласиться. Диалогический характер творческого мира, равно как и личностная характерология Достоевского описаны давным-давно М. М. Бахтиным. Подвижность и динамичность мира Достоевского вскрыты еще раньше А. Л. Слонимским («Вдруг» у Достоевского // Книга и революция. 1922. № 8. С. 9–16). Жаль, что работа, задавшая тон осмыслению динамичности Достоевского, не учтена Екатериной Алексеевной (см. прим. 21 на с. 12). В то же время система кругозоров, образующая диалогическое со-бытие романов Федора Михайловича, не описана до сих пор. Описанию этой системы посвящена настоящая диссертация. Актуальность работы мы признаем существенной.

В композиционном плане диссертация построена логично; структура обоснована и прозрачна – Введение, пять глав, Заключение, Библиография. Каждая из глав описывает систему горизонтов ожидания в одном из пяти основных романов Ф. М. Достоевского.

Имеется и теоретическая новизна. Диссертант применяет понятие «горизонт ожидания» не столько к читательскому восприятию (рецептивный аспект), сколько к сюжетным аспектам, так что в фокус попадают и ожидания героев, и мотивирующая роль ожиданий по отношению к событиям и сюжету. Расширение значения термина выглядит заманчивым. В мире Достоевского герои, действительно, регулярно интерпретируют поступки друг друга и исходят из имеющихся ожиданий.

Первая глава диссертации посвящена горизонтам ожидания в романе «Преступление и наказание». Наиболее значимым результатом представляется выявление их персонифицированного и темпорального характеров. Герои и их поступки становятся предметом интерпретации других (с. 34–42). Темпоральность, в свою очередь, ведет к конструированию героями возможного будущего исходя из воспоминаний: «примечательно <...> воплощение и темпоральное преломление “горизонтов” в снах героев. Как для Раскольникова, так и для Свидригайлова опыт пережитого через сны прямо влияет на “горизонты ожиданий” этих героев: из прошлого вырастает прогноз на будущее и решимость к его приятию» (с. 52). Представление о будущем как о проекции, вытекающей из жизненного опыта героя или его воспоминания, носит в романе системный характер. Вспоминается разговор-провокация Раскольникова и Сони о будущей судьбе Поленьки.

Выделение горизонтов ожидания как особого элемента романной структуры, генерирующего движение сюжета, серьезно проясняет понимание нами внутренней мотивации и логики поступков героев «Преступления и наказания». В то же время с некоторыми интерпретациями мы бы поспорили. «Катерина Ивановна, – пишет диссертант, – совершает своё преступление, когда фактически принуждает приемную дочь, Соню, <...> отдать себя в жертву ради близких» (с. 31). Поостереглись бы от слова «принуждает». Внешнее принуждение контрастирует с жертвенностью, которая – особенно в христианском изводе – непринужденная и добровольная. Скорее Соня жертвует собой во имя в общем-то чужих ей людей, соучаствуя поступком в жертве Иисуса.

(Причем жертве не (с)только духовной, как показывает соискатель, а вполне физической – часть связанных с ее ремеслом заболеваний в те годы не поддавалась лечению.)

Вторая глава посвящена анализу романа «Идиот». Екатерина Алексеевна показывает, как в перекрестье всех горизонтов ожидания оказывается главный герой – князь Мышкин, который «<...> общий для остальных персонажей “горизонт ожиданий”». Но для нас особенно важно, что это крайне разнородный, противоречивый и, как правило, постепенно становящийся и корректируемый “горизонт”» (с. 56). Нам интересно было следить, как Екатерина Алексеевна интерпретирует роман «Идиот», исходя из присущих его героям горизонтов ожидания и сотканных ими оппозиций, как то: «Для Рогожина его влюбленность в Настасью и необъяснимая привязанность к Мышкину определяют в романе два основных его “горизонта ожиданий”» (с. 83). Или колебание героев между *просто* Мышкиным и Мышкиным-миллионером. Напряженность, событийность пронизывают у Достоевского горизонты ожидания героев. Меняют ли человека связи, княжеский титул, большое наследство? Не должны бы, но по факту в романе Достоевского оказывается, что да. В то же время мы бы остереглись некритично применять к Мышкину характеристику «положительно прекрасный человек», замыкать в ней читательский горизонт ожидания. Характеристика в общем-то лишь единожды высказана Достоевским в ранних письмах 1867 г. к А. Н. Майкову и С. А. Ивановой (ср. с. 55). Стоит ли абсолютизировать эпистолярные ожидания? Правда ли Мышкин изображен таковым? Есть различие между номинацией и фактом, а заявить – не значит реализовать. Остаемся с Бахтиным, что эстетическими средствами нельзя выразить положительно прекрасного героя, ибо неоткуда смотреть на него, неоткуда завершать его.

Третья глава посвящена роману «Бесы», чей горизонт ожидания, как показывает диссертант, задан темами хаоса и бесовства. Примечательно, что у главных демиургов этого хаоса (Ставрогина и Верховенского) горизонты ожидания оказываются не столь концептуально жесткими и фиксированными, как у выращенных ими героев – Шатова, Кириллова и т.п., неподвижно замкнутыми на своей идее и в своем видении. В данной главе Екатерина Алексеевна подробно рассматривает эволюцию героев романа по мере движения Достоевского к каноничному тексту; показывает, как в этом движении трансформируются связанные с

героями «горизонты ожидания» (с. 87-88). Насколько такая трансформация оказывается в сфере собственно «горизонтов ожидания», будь то сюжетных и особенно рецептивных? Горизонты, функционирующие в черновиках и предварительных редакциях, для читателя скорее не существуют.

В центр четвертой и пятой глав попадают романы “Подросток” и “Братья Карамазовы”, соответственно. Диссертационное исследование Екатерины Алексеевны отличают хороший замысел, продуктивная гипотеза, связанная с расширением понятия “горизонт ожидания” на сюжетный уровень, что приводит к новаторским и заставляющим задуматься прочтениям классических текстов Достоевского. Отметим и умение тонко интерпретировать романы Федора Михайловича.

Однако наряду с успехами выделим ключевой, на наш взгляд, проблемный момент работы – серьезную недооценку значимости теоретико-литературных инструментов для осуществления исследования. Собственно, диссертант прямо заявляет: «...нам близка начальная установка авторов[монографии «Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф.М. Достоевского» Ф.В. Макаричева, А.П. Власкина и Н.А. Макаричевой]: “...никакая единая научная методология нами прямо не руководит, и на выработку какого-либо нового методологического подхода авторы не претендуют. Главный принцип для нас – следовать за Достоевским и осваивать его художественные открытия в области взаимосвязи и взаимозависимости эмоций, впечатлений, воображения и идей. То есть это *старый добрый* интерпретационный принцип”» (с. 18). Но ведь представленная диссертация складывается вокруг работы с термином, пересмотром его значения, расширением его семантики... При таком ракурсе идея Г.-Г. Гадамера о вторичности метода в гуманитарных науках вряд ли адекватна. Более скрупулезная проработка теоретических аспектов – законное ожидание читателя диссертации.

По мысли соискателя, «горизонт ожидания» «<...>с одной стороны, комплекс представлений автора о возможной логике развития сюжета, а также характерах героев, <...> с другой – как субъективные представления самих героев, связанные с их аксиологическими ориентирами, обусловленными социально-психологическими особенностями» (с. 13). Отсюда вытекает наше во-первых: как предлагаемый Екатериной Алексеевной «горизонт ожидания» соотносится с «нарративной интригой» – «<...>сюжетом в его обращенности не к фабуле (чем занимались русские

“формалисты”), а к читателю, то есть сюжет, взятый в аспекте “события самого рассказывания”» (Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. С. 62)?

Во-вторых, нам осталось непонятным, как соискатель соотносит «горизонт ожидания» и «общую сюжетную ситуацию» (Тамарченко Н.Д. (ред.) Теория литературы: в 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2004. С. 192)? Поясним. «“Горизонты ожиданий”, – пишет диссертант, – заложены уже в заглавие романа: за любым преступлением воследует наказание. <...> весь сюжет по ходу его “художественного исполнения” наполнится в романе перипетиями душевно-духовной жизни Раскольникова. Оба заглавных понятия – как “преступление”, так и “наказание” – будут при этом наполняться всё новыми нюансами» (с. 24). Аналогичный ход повторен применительно к «Братьям Карамазовым», где ведущими горизонтами обозначены «братство» и «карамазовщина». Приведенные понятия – ключевые слова и темы данных романов, а в случае «Преступления и наказания» – классическая «общая ситуация». Всегда ли общая ситуация составляет горизонт ожидания?

В-третьих, соискатель включает в сферу «горизонта ожидания» восприятие автора – «термин “горизонты ожиданий”, в отличие от рецептивной эстетики, мы предлагаем рассматривать применительно не столько к читательскому восприятию, а к восприятию автора (собственного текста, замысла художественного произведения, характеров героев)» (с. 9). Но каким образом мы можем выявить в тексте романа ожидания автора? Применимо ли слово *ожидание* по отношению к автору – «природе не порожденной и творящей» (Бахтин). Как различить «горизонт ожидания» и «интенцию» или «замысел»?

Неразграниченность и несопоставленность терминов, попадающих в смысловой центр исследования, на наш взгляд несколько снижает четкость и прозрачность исследования, не позволяет эксплицировать все возможности диссертации в полном объеме. Впрочем, это указание нам нужно, чтобы подчеркнуть *главное*: у представленного к защите исследования имеется серьезный потенциал, который может быть уточнен и развит впоследствии. К тому же перед нами диссертация по истории русской литературе, творчеству Ф. М. Достоевского, а не по теории литературы. Практическое и теоретическое значение диссертации не вызывают никакого сомнения. Автореферат и публикации по теме диссертации в полной мере отражают содержание и основные положения,

выносимые на защиту. Содержание диссертации отражено в 8 статьях, в том числе 5 в статьях, опубликованных в журналах из перечня рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Минобрнауки России. Диссертация прошла необходимую апробацию на межвузовских и всероссийских конференциях.

Диссертация «Горизонты ожидания в романах Ф.М. Достоевского» соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, отрасли наук – Филологические науки и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор, Екатерина Алексеевна Горбаренко, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент

Прохоров Георгий Сергеевич,
доктор филологических наук,
по научной специальности 10.01.08

Теория литературы. Текстология,
профессор кафедры русского языка и литературы
ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»

/Г.С. Прохоров/

140410, Российская Федерация, г. Коломна Московской обл., ул.
Зеленая, д.30, email: kaf.rus.gsgu@yandex.ru тел. +7(496)615-13-30

Подпись Г. С. Прохорова удостоверяю:

Первый проректор ГОУ ВО МО «ГСГУ»,
доктор физико-математических наук,
профессор



/С. П. Хэкало/